

Popova M.Yu. The phenomenon of women's prose in Russian literature of the 1840-1860s: learning problems

The article is devoted to understanding of the degree of study of women's prose of the 1840s-1860s - the most vivid period in its development. An analytical review of the scientific literature allows us to conclude that the creativity of women of this period is still poorly studied. The traditional notion that women writers only adhere to the romantic method is controversial. The works of women authors remain out of the field of view of researchers in terms of their genre and style features. The problem of inclusion of female types developed by female writers in the established paradigm of literary characters is not solved.

Keywords: women's prose, 1840–1860s, the problem of method, genre, style, typology of female images.

В. И. Кичигина

(научн. руководитель Е. К. Созина)

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

Проблема самоопределения женщины в произведениях Н. Д. Хвощинской

Аннотация: творчество Н. Д. Хвощинской представляет заметное явление в отечественном литературном процессе конца 40-х – 80-х годов XIX века. Произведения писательницы «Пансионерка» (1861), «Вера» (1876) и «Учительница» (1879–1880), написанные в разные периоды жизни автора, рассматриваются в статье через призму проблемы женского самоопределения, принципиально важной для многих писательниц последних двух веков. Хвощинская представляет нам образ «новой женщины» 60-х годов, а также – тип женского сознания и поведения героинь, живущих в другую эпоху, когда общественный подъем 60-х годов уже закончился, женщин, готовых к самопожертвованию ради блага других.

Ключевые слова: самоопределение, «женский вопрос», новая женщина, Надежда Дмитриевна Хвощинская, беллетристика.

Под самоопределением обычно понимается сознательный самостоятельный выбор человеком жизненного пути и позиций, которых он придерживается в различных жизненных ситуациях [Рябцева 2010: 108]. Оно предполагает развитие сознания и самосознания человека, разные пути формирования системы ценностей и целей. Проблема самоопределения женщин в России XIX в., особенно в 60-е годы, была связана с необходимостью решения политических и экономических проблем, стоявших перед страной. Как пишет современная исследовательница: «Отмена крепостного права вызвала перемены в русском обществе. Старый жизненный уклад начал разрушаться, появились новые сферы общественной деятельности. На социальную арену вышли новые герои. В этой атмосфере изменялись и представления о роли и месте женщины в жизни общества. Прогрессивно настроенные женщины отказывались жить в соответствии со старыми традициями, не позволяющими проявить во всей полноте их возможности, и начали вместе с мужчинами бороться, в первую очередь, за право более активно участвовать в социальной жизни России» [Магд-Соэп 1999: 9].

Литература не только отражала, но подчас и стимулировала разные пути решения «женского вопроса» в жизни русского общества. В 1830–40-е гг. на его образованных представителей большое влияние оказали романы Ж. Санд – сторонницы раскрепощения чувств, свободы женщины в сфере любви и брака; в это время сложился комплекс «жоржсандизма», который был связан с изменением в нравственно-этических понятиях и представлениях разных социальных слоев.

Именно под влиянием французской романистки многие русские писатели обратились к «женскому вопросу». А. И. Герцен, А. В. Дружинин, А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский образуют в русском обществе 1840–1850-х гг. направление, которое К. Магд-Соэп назвала «неосознанным феминизмом» [Магд-Соэп 1999: 11]. Интерес этих прозаиков к «чувствительным» героиням был во многом утрачен, когда началась реальная борьба женщин за свои права. Движение «новых женщин» полнее всего отразилось в образах «новых героинь» И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского, И. А. Гончарова, а также женщин-писательниц: Е. В. Салиас-де-Турнемир, Н. С. Соханской, Е. А. Словцовой-Камской, А. А. Кирпищиковой и др.

Благодаря новым веяниям в пореформенной России женщины начинают требовать экономической независимости. Важными предпосылками развития женского движения стали аграрные реформы, рост промышленного производства и, как следствие, расширение сферы профессионального

труда женщин, реформы в области образования, ослабление цензуры. В Россию пришли западноевропейские идеи о демократическом преобразовании государственного устройства, равноправии полов, роли женщины в обществе, семейных отношениях. В 1860-е гг. возникает как бы прототип современной женщины: счастье ее не только в любви, в семейной жизни, но и в полезной трудовой и общественной деятельности.

Творческий путь Надежды Дмитриевны Хвоцинской (в замужестве Зайончковская), псевдоним – В. Крестовский (1824–1889) представляет собой весьма заметное явление в отечественном литературном процессе конца 40-х – 80-х годов XIX века. Ее произведения часто становились объектом критического разбора в тогдашней печати. Пережив несколько эпох исторического развития России, писательница сумела подробно и художественно достоверно зафиксировать различные состояния в жизни русской провинции.

Честная трудовая жизнь Хвоцинской была всецело посвящена служению обществу и самоотверженной помощи близким людям. Она была единственной писательницей, чье имя включалось в парадигму мужских писательских имен – И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Писательницу выделяли из числа других пишущих женщин, но при этом место ее было строго фиксированным – последнее в ряду мужских имен – и гендерно определяемым: она признавалась менее талантливой, чем корифеи-мужчины, но самой талантливой – «корифейкой» [Строганова 2016: 183] – среди женщин.

В произведениях 1860-х гг. Хвоцинская обращается к важнейшей тогда проблеме – освобождения женщин. Мы выбрали три повести, ставшие своеобразными откликами на идеи демократической интеллигенции о судьбе и положении женщин в обществе. Повести представляют варианты судеб «новой женщины», в которых видны разные точки зрения писательницы.

В «Пансионерке» (1860) рисуется стремительная эволюция главной героини Леленьки Гостевой, которая из скромной ученицы женской гимназии, обычной провинциальной девушки с «книгой в руках, в темном шерстяном платье» [Хвоцинская 1963: 99] превратилась в самостоятельную женщину, способную художницу. Во второй части повести она встречается в Петербурге в зале Эрмитажа с Веретицыным, в которого когда-то была влюблена, и говорит о своих взглядах на судьбу женщины.

Леленька сумела сделать решительный шаг к новой жизни, отстаивать личную духовную свободу. Она не желала бы вернуться к прошлой жизни, в которой все делала по указке родителей: «Я по крайней мере дала себе слово никогда больше туда не заглядывать» [Хвоцинская 1963: 177]. Теперь Елена Гостева сможет реализовать себя, ведь перед ней открыто жизненное пространство: «Весело, когда много дела! Я свободна! Я никому ничем не обязана... Я сбросила с себя свое иго и не хочу о нем помнить» [Хвоцинская 1963: 181]. Она буквально провозглашает гимн работе, знанию и свободе. Героиня во имя свободы отрицает даже любовь, ибо это чувство берет в плен душу женщины. «Я поклялась, что не дам больше никому власти над собою, что не буду служить этому варварскому старому закону ни примером, ни словом... Напротив, я говорю всем: делайте как я, освобождайтесь все, у кого есть руки и твердая воля! Живите одни – вот жизнь: работа, знание и свобода...» [Хвоцинская 1963: 186].

Путь Леленьки в «Пансионерке» – это путь девушки через разочарование, обиды и потери к обретению себя как «новой женщины», в духе идей эмансипации 60-х гг.

Другой вариант женской судьбы Хвоцинская представляет в повести «Учительница» (1879–1880). Перед нами «два крайних полюса жертвенной женской любви и безоглядного служения не какой-либо “идее” (пусть самой благородной), но вполне конкретным, близким людям» [Созина 2001: 159].

С одной стороны, г-жа Шеванова с ее слепой любовью к сыну-негодяю Борису, таким она воспитала его сама, а с другой – Зинаида с ее осознанной, выстраданной любовью к матери. Конфликт между «хозяевами жизни» и молодой учительницей является социальным, а если быть более точным, то конфликт развернулся из-за подлого эгоизма людей, которые заботились только о своей выгоде. Школа попадает в руки дворянина Бориса Шеванова, «который утверждает себя учителем становившейся народной школы» [Хвоцинская 1963: 474], несмотря на его полное равнодушие к детям, его невежество, лень и довольно подлый нрав. Зинаида, которая желала приютить мать у себя и поработать на пользу народу: «Все променяно во имя долга, во имя другого идеала; ... есть кусок хлеба, что после семи лет скитаний и труда, сценою всего своего счастья – можно наконец взять ее к себе, не расставаться больше с нею, с той, за которую все отдано и отдалось бы опять, успокоить мученицу мать, запропавшую на черной работе... Она еще жива, слава богу; ну, отдохнет...» [Хвоцинская 1963: 401], – остается ни с чем. Счастье уже казалось ей возможным, но бедная учительница изгоняется из своего «рая».

Зинаида Николаевна видит себя и свою реализацию в заботе о матери, прожившей горькую жизнь прачки и на старости лет мечтающей лишь о том, чтобы быть рядом с дочерью. Девушка отказывается идти за любимым, который звал ее «свергнуть бремя обыденной жизни и всецело отдать себя революционному долгу» [Созина 2001: 158]. Молодая учительница отвергает личное счастье в пользу близкого человека. Главная героиня произведения «Учительница» может быть отнесена к типу «новой женщины», но не к тому кругу, которые пропагандировали демократические круги того времени. Зинаида Николаевна – «новая женщина», которая сама зарабатывает себе на хлеб, идет своей дорогой жизни, но она продолжает оставаться зависимой от обстоятельств и сильных мира сего. Путь учительницы, по мнению Хвоцинской, более правдивый и женский (женщина – это та, которая, в первую очередь, думает о других).

В повести «Вера» (1876) писательница вновь представляет две женских позиции. С одной – m-me Муновская, очень влиятельная и уверенная в себе дама, которая может занять любое общество. Госпожа провозглашает феминистские идеи о защите прав женщин, их самостоятельности и свободы, праве на счастье, личный выбор и т. д. Это именно то, что было тогда для России актуальным. Но ее позиция дана через декларацию, Муновская только говорит и прокламирует, ее установка никак не воплощена в жизни: «Избави нас Бог от разных Дездемон, которые протягивают свою шею: – “Извольте, барин, душите меня...” Женщины нашего времени так бы глупо не кончила» [Хвоцинская 1892: 445]. Она считает, что сейчас «новая женщина» так бы не сделала, она бы бросила своего верного мужа и ушла. В полемике с хозяйкой дома – Анной Александровной, Муновская выступает как отъявленная эгоистка, прокламирует свободу чувств, что по мысли автора оказывается нравственной безответственностью: «Кому-нибудь страдать надо» [Хвоцинская 1892: 447]. Анна Александровна отвечает ей: «Если даже нечаянно, бессознательно, произвольно – так ужасно сделать зло, и так лежит оно на душе, то каково же выбирать: “погибайте вы, а я спасусь...”» [там же]. Ответ госпожи ожидаем: «Покричат – перестанут. Стерпится – слюбится» [там же]. Хозяйка дома ей возражает: «А если не стерпится? Бросить мать-старуху умирать на чужих руках, бросить мужа, простого, честного, которому жена была нравственной поддержкой... за что человек пропадет» [там же]. Анна Александровна немного напоминает Зинаиду Николаевну («Учительница»), которая не может стать самостоятельной, отправиться за любимым человеком, оставив родную мать.

Вторая позиция – героини Веры Михайловны Алетовой, о ней мы узнаем из рассказа повествователя. Это альтернативный подход к феминистскому движению и свободе женщин, который захватил многих людей в России в XIX веке. Вера ни на кого не надеется, стремится жить самостоятельно и независимо, требует уважительного отношения к себе, женщина готова трудиться, чтобы обеспечивать не только себя, но и других. Именно в ней воплощена сама женскость: «Я не могу быть одна. Не умею. Страшно; цели нет, резона нет существовать. Как – это думать только о себе, беспокоиться только за себя? Стоит ли хлопотать!» [Хвоцинская 1892: 451]. Женщина изо всех сил заботится о художнике Карцове, готова к полному самопожертвованию. Но мужчина эту опеку не принимает, теперь он слепнет и обвиняет во всем Веру, которая когда-то не дала ему развиваться: «Если бы не вы, давно бы у меня было имя – какое-нибудь, но было бы! Чего вы ждали? Чего вы от меня хотели, умничали?... Да, портреты, женские портреты очень вас тревожили! Что ж делать – молод я! Жить хотелось... Вы погубили мою молодость – ни себе, ни людям. Все погибло, ничего не воротишь!» [Хвоцинская 1892: 458].

Первый характер, который представляет нам Хвоцинская в повести «Вера», – это Муновская, много говорящая о правах женщин, но она показана немного в пародийном и пошлом ключе. Если вспомнить Веру Павловну из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», в этом произведении героиня создает швейные мастерские, мечтает о независимости и желает разобраться в своих чувствах, именно вокруг женщины группируются прагматически мыслящие и поступающие Лопухов и Кирсанов. Если мы видим Веру Павловну в действии, то Муновскую только вербально, что скрывается за ее громкими словами – неизвестно. Вторым является характер Веры Михайловны, которая тоже относится к варианту «новой женщины», причем она-то, в отличие от Муновской, реально самостоятельна и сама зарабатывает на жизнь не только себе, но и близкому ей человеку. Но в порыве самопожертвования и служения ближнему, как оказалось, она попрали интересы другого человека, стремясь сделать из Карцова то, что ей казалось нужным и правильным. Вера – идеолог заботы, самостоятельная женщина, но она не учла психологию человека искусства и принесла страшное зло молодому художнику. Ее образ дан как драматический и, более того, трагический.

Как и для многих ее современников, для Хвоцинской одной из важнейших стала проблема освобождения женщины. Разделяя идеи женского равноправия, писательница, тем не менее, представила разные варианты судеб «новой женщины», показав и эмансипированную даму из «приличного»

общества, и женщину, живущую своим трудом и склонную к полному самопожертвованию ради счастья другого человека. Однако и этот последний вариант был показан Хвощинской как спорный и неоднозначно положительный.

Литература

Магд-Соэп К. Де. Эмансипация женщин в России: литература и жизнь / К. Де. Магд-Соэп., пер. с англ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 251 с.

Рябцева И. А. Анализ понятий «самоопределение» // Педагогическое образование и наука. 2010. №8. С. 107–111.

Созина Е. К. Внутриличностный гендерный конфликт и формы его выражения в прозе Н. Д. Хвощинской // Гендерный конфликт и его репрезентация в культуре: Мужчина глазами женщины. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 153–160.

Строганова Е. Н. Н. Д. Хвощинская: Портрет писательницы в некрологах // Русская литература. 2016. №3. С. 182–188.

Хвощинская Н. Д. Вера // Собрание сочинений В. Крестовского (псевдоним). СПб., 1892. Т. 4. С. 440–458.

Хвощинская Н. Д. Повести и рассказы / сост., подгот. М. С. Горячкина. М. : Гослитиздат, 1963. 511 с.

Kichigina V.I. The problem of women's self-determination in the stories of N. D. Khvoshchinskaya

The work of N. D. Khvoshchinskaya is a notable phenomenon in the domestic literary process of the late 40s – 80s of the XIX century. The works of the writer «Pansionerka» (1861), «Vera» (1876) and «Teacher» (1879-1880), written in different periods of the author's life, are considered in the article through the prism of the problem of female self-determination, which is fundamentally important for many writers of the last two centuries. Khvoshchinskaya presents us with the image of the "new woman" of the 60s, as well as the type of female consciousness and behavior of heroines living in a different era, when the social rise of the 60s has already ended, women who are ready to sacrifice themselves for the sake of others.

Keywords: self-determination, «women's question», new woman, Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya, fiction.

Ю. А. Ноздрин

(научный руководитель С. И. Ермоленко)

*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия*

Образ Зотоя в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Дикое счастье»: к проблеме «духовного реализма»

Аннотация: в связи с рассмотрением образа одного из героев романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Дикое счастье» (1884) Зотоя Брагина в статье поднимается актуальная для современного маминоведения проблема «духовного реализма». Проводится параллель между Алексием, человеком Божиим, и образом Зотушки, который становится в романе носителем этико-религиозного начала являясь, таким образом, одной из форм выражения авторской позиции.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Дикое счастье», образ Зотоя Брагина, «одухотворенный реализм».

Известный исследователь творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка И. А. Дергачев, говоря о произведениях, созданных писателем в 1890-е годы («Охонины брови», «Легенды», «Братья Гордеевы», «Вольный человек Яшка», «Озорник» и др.), считает возможным использовать по отношению к ним термин «одухотворенный реализм». Ученый ссылается на неопубликованные заметки Мамина к роману «Падающие звезды» (1899), где встречается этот термин [Дергачев 1981: 228]. «Одохотворенный реализм» писателя И. А. Дергачев понимает как «синоним того “романтического реализма”, который обнаружен рядом исследователей в творчестве Короленко и некоторых других авторов» [Дергачев 1981: 228]¹: сочетание реалистических принципов изображения действительности с устремленностью к идеалу.

¹См. об этом, напр.: [Фохт 1969: 39–80].